

„НОВЫЙ ПОРЯДОК“ В КУРСКЕ*)

Илья ЭРЕНБУРГ

Что принес «новый порядок» русской интеллигенции? Бухгалтер завода «Коминтерн», вместе с другими жителями Зорюшка насильно эвакуированный в Курскую область, рассказывает: «В коммандатуру при мне вызвали преподавателя университета. Дежурный офицер спросил его:

— Профессия?

— Астроном.

Немец ра смеялся:

— Вот как! Что же, будете считать нужники? Правда, звезды и узорные—различные вещи, но ничего другого я вам не могу предложить.

Учительница Щигров Александра Алексеевна Козуб была направлена на временные работы. К ней подходит офицер:

— Почему вы не работаете?

— Не привыкла. Кирки в руке не держала.

— Что же ты делала?

— Я была учительницей.

— Удивительно! Где же тебе научили этому?

— Я училась в Воронежском институте.

— А я в Неве на философском факультете. И боюсь у вас философию не изучали?

— Изучали.

— Канта и Гегеля?

— Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса.

— Ну, Маркс и Энгельс—это ярен. А вот интересно, хорошо ли ты усвоила схоластику?

Девушка стало тошно. Она ответила:

— У меня диалектика...

Тогда изнеканный офицер ударил ее с размаху по обеим щекам. Так закончился философский разговор в Щиграх. Мне рассказала о нем честная советская учительница Козуб, которая преподла ккурку изне и правду немецкому философу.

Закрывали школы. Закрывали театры. Закрывали библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невской. Открыли торжественно. Герр доктор Фигт пронос речи: «Мы все с вами к ледяную пустыню».

Они не принесли, все сжгли. Они принесли заразу. Перед войной в Курск совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике среди гражданского населения зарегистрировались в декабре от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Смышестоты из них немцы убивали. Эти сифилизные павианы оставили после себя не только заразу, но и ров в Щигве. Они оставили страшную заразу.

Поимно венерических больных немцы принесли эпидемию дифтерита. Прививок не было. Смертность среди детей от дифтерита дошла до 60 проц. На почве голода, скученности, грязи, рос сыпняк. Я видел одного из предателей, врач Кононов, член «гордой уоры». Он должен был, яком, заботиться о здоровье населения. Он заботился об одном: как угомонить своему начальнику немецкому врачу Керну. До немцев Кононов при русскую сорьку. После прихода немцев он стал пить шипс. Он говорит: «Доктор Керн был

культурным, немцем, хорошим врачом, отзывчивым человеком».

— Козуба убеждали, но лаяей по привычке еще кланялся. Я спрашиваю Кононова:

— Что же вы лично сделали для жителей?

— Много. Доктор Керн мне говорил: «Зачем вы так возитесь с гражданским населением?»

Вот он, «культурный» немец и «отзывчивый человек».

Больных не лечили. На дверях вывешивали по-немецки: «Здесь заразные. Вход военнослужащим в спрещается». Немцы хотели заражать, но не заражались.

Военнопленные умирали на глазах у населения. Повсюду немцы расклеили плакаты: «Сдавайте теплую зимнюю одежду для русских военнопленных вашему старосте». (Старосты были и в городах—на каждой улице). Старосты славли теплую одежду коменданту. Комендант распределял ее между немецкими солдатами.

Страшное зрелище представляли собой лагеря: морозные грязные бараки. Надписи «для русских», «для украинцев», «для тюркских народов», «для тифозных». Кормили жижей—картофельная кожура. Били. Заставляли рыть укрепления. Русские глядели на агонию русских и не могли им помочь. Это было моральной пыткой.

Слова молитвы «О победе христианского воинства» немцы приказали заменить: «О победе германской армии». Одна старушка осмелилась сказать: «Не могу я молиться за победу немцев—у меня три сына в Красной Армии». Строптивую высекли.

В Курске немцы нашли несколько писемингов. Бургомистром был назначен некто Смылковий, воспитанник духовной семинарии. Киева. Он получил от немцев дом, блок-ноты с фирмой «Бургомистр города Курска» и даже автомобиль. Он оставил дом и блок-ноты и на машине уехал в Львов.

Городская управа заседала раз в месяц под портретом Гитлера. Тирольский шник был изображен в красках с подписью «Адольф Гитлер освободитель». В присутствии немцев члены городской управы стояли.

Я видел заместителя бургомистра инженера Алексея Кепова. Почему он не удрал вместе с немцами? Кеков объясняет: «Не хотел ставить на битую карту. Решил сыграть в банк». У него мирные карточные термины и угодливые глаза. Но месяц тому назад он еще выдавал немцам русских. Я спрашиваю его, что он чувствовал, когда Красная Армия подходила к Курску? Предатель глдит на меня пустыми, тусклыми глазами и отвечает: «Не скрою—животный страх». Он борочет: «Немцы меня обманули... В чем? Может быть, господин заместитель бургомистра обман на высокомерие герра Бурхардта? Может быть, герр Кеков считает, что немцы должны были ему дать автомобиль? Но немцы бросили в Курск до тысячи груженых вагонов. Им

было не до лакеев. Они выкинули предателей, как выжатые лимоны.

Немцы закрыли все учебные заведения. Но в Щиграх они открыли «курсы для полицейских». Они учили стрелять, арестовывать, реквизируют, вешать. Передо мной своеобразный документ—послание курсанта третьего выпуска коменданту Паулингу: «В полном сознании громадной ответственности за выполнение возложенных на нас обязанностей, мы говорим вам, господин комендант, спасибо».

Передо мной и автор этого послания некто Колосков. Он прикидывается ребенком, твердит о своей «безмозглости». В его глазах злоба и страх. «Победоносная германская армия», убежала, оставила Колоскова. Курсанта учили пытать и расстреливать русских. Летать их не научили. Напрасно они почитались бежать по сугробам.

Тихо в комнате. Тихо и душно. Темная животная тоска идет от согнутой спины изменника. Нет ничего страшнее предательства: оно убивает человека до смерти. Передо мной живой труп, тряпичная кукла, грошовый паяц. Я говорю: «Вы понимаете, что вы предали Россию? Он шевелит губами: «Да».

Смалливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой Курского пединститута. Ее соизволили подачки немецких офицеров, танки, французское шампанское. Ее соотечественники пятнадцать месяцев мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь, чтобы освободить Курск. А она услуждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Поздно рассказывать. Измена, как ржа, разела ее сердце. На улице праздник, люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в тайной комнате и плачет. Она стала отверженной—для себя самой, и нет капы жалее.

Двадцать тысяч юношей и девушек немцы вывели из Курской области в Германию. Дать тысяч они вывели из Курска. Что сулил «новый порядок» этим несчастным? Прежде мы читали письма, проникшие в Германию. Здесь мы видим живых свидетелей.

Майя Урютов была рабочим на металлургическом заводе. Весной его отправили в Германию, в Брауншвейг. Там его вместе с 800 другими русскими поместили в лагерь. Рабы работали на заводе, жили в лагере. В день давали по 200 граммов хлеба и три баланды. Ох, как ли лагеря эсэсовцы. За малейшую «протинность» они изивали русских. Многих поклечали. Из 800 за пять месяцев (25) умерли—от голода, от болезни, от побоев. Урютов заболел элиасией—ему помогло: его отпустили домой. Молодой человек, он стал дряхлым стариком.

Уборщик. Пенков: спасла своего сына, напола его не-

ред медицинским осмотром табачным настоем. Но дочь Пенковой семнадцатилетнюю Тамару немцы взяли. Она рассказывает:

«Везли нас, конечно, в телятниках под охраной. Привезли в город Линн, в Австрию. Там приходят немцы и немки—осматривают, опущивают, как скот. Там было две тысячи девчат и парней. За невыполнение нормы—по сто двадцать розг. А кормили так—бурда на рене и все. Я, конечно, комсомолка и мне эта жизнь не подходит. Не могу я их эсэсовцам кланяться. Со мной двоюродная сестра была. Я говорю: «убежим». Подобрали компанию. Четыре девушки и трое парней. Мы шли до Бреста восемнадцать суток. Пока по немецкой земле шли, обходили деревни. А поляки нас кормили, как могли. В Бресте мы отдали все вещи, даже валенки, одному немцу. Он нам пропуск в Курк дал».

Немногом погезло, как веселой и смелой Тамаре. Другие еще томится в немецком рабстве. Мы знаем теперь, что такое «новый порядок». Он существовал много тысяч лет тому назад. Тогда его называли «торговлей рабами».

Упорно и мужественно курыне ждали пятнадцать месяцев для освобождения. Немцы и давали две газетки. Они старались убедить курына в немецкой победе. Но иногда с неба падали листовки. Их подбрасывали дети, несли домой, и вот город обходила радостная весть: «наши держатся», «немцев отогнали от Москвы», «за воды работают на Урале...» У штабных офицеров были приемники. Уходя из дома, немцы выключали аппараты. Но русские научились их включать. Слушали Москву, и снова надежда раздувала сердца.

С декабря немцы приуныли, за их лицами следили тысячи глаз: у немцев немцев (мы надежда и курына. В сентябре, в октябре, в ноябре герр оберлейтенант каждый день говорил пятнадцатилетней Варе: «Сталинград капут». В декабре он примок. В январе Вара стала выпить офицера: «Ну, как Сталинград? Капут?» Офицер молчал. Однажды вместо ответа он отпустил девочке пощечину. Вара рассказывает: «Господи, как я обрадовалась! Побежала к маме, говорю: кивачно их дело. Капут немцам. Видишь, как он мне залепил? Значит, у них со Сталинградом ничего не вышло».

Курыне не только ждали. Курыне боролись с захватчиками. Их лезнодорожники взрывали немецкие паровозы. Девушки перерывали оружие Штирны и убивали немцев.

Вот рабочий Бабкин. Он был во главе отряда. Мягкое русское лицо. А этот добряк отравил немцам невазо крови. Он подготавливал взрыв на казале, отвозил в Фатеж оружие, по огал иленным перфилли и ю фовта. Он рассказывает: «Вези и оружие. Вдруг немец, Я, конечно, соли прихватил—бухнуло еду менять. Бумалка у меня с печаткой, сам чорт не разерт. Но немцу что печатка на соль утавился: «Дай». Я ему бы рад все отдать, незла—запозрит. Торговля с—

на тебе стакан. Обошлось. А вот вы нашего пона нанесите, замечательный поп...»

Священнику Павлу Говорову шестьдесят семь лет. Русский человек, он любит родину. Он был связан с партизанами. Он прятал у себя наших летчиков, переодевал их, помогал им перебраться через фронт.

Комсомолка Зоя Емельянова—студентка пединститута. Это серьезная, смелая женщина. Ее муж—командир Красной Армии. Когда немцы вошли в Курск, у Зои родился ребенок. Но это не помешало ей войти в партизанский отряд. Она доставляла партизанам оружие. Она говорит: «Я знала, что наши вернутся. Твердо знала, как то, что я—я». Большая сила в ее глазах. Это сила верности.

Доктор Корovina—немолодая женщина. Беспартийная. Она работала в хирургической больнице. Там лежали раненные русские—командиры и бойцы. Корovina разговаривала с ними, проверяла их душевное состояние, потом спрашивала: «Бнашим хотите?» Она помогала уйти из под стражи. Каждый день рисковала жизнью, но знала: покмога братьям обрести свободу. Это сознание ее поддерживало в самые горькие минуты. Сейчас она радуется, как ребенок: «Наши в Курске!» значит, не напрасно она ждала. Не напрасно связалась с партизанами.

Когда мы говорим о слезах радости, с которыми встречают Красную Армию население освобожденных городов, это может показаться формулой. Но доктор Корovina плакала от радости. И Бабкин. И старый священник Говоров. И комсомолка Зоя. И тысячи, тысячи людей. Эти слезы, как жемчуг: они красят. Кто пережил такие часы, поймет все без слов.

Немцы, уходя из Курска, сожгли или взорвали все большие дома. Прекрасные здания медицинского и пединститута, собора, горасть города—новый мирк, дом об ома—бывшее дворянское собрание, все школы города, все многоэтажные жилые дома, театр. Все это уничтожено немцами.

Дж в Щиграх не осталось ни одного большого дома: немцы, отсужая, сжгли все. В деревне Тамиря ев а была новая хорошая школа. Немцы устроили там лагерь. В школе лежали раненные немцы—восемнадцать человек. Убегали немцы взорвали школу со своими ранеными. Они верны себе до последней минуты.

Они начали убираться из Курска заблагуременно—после разгрома у Касторного. Уехали немецкие дамы из «Казино», которые были по щекам русских уборщиц. Уехали штабные офицеры. Но Красная Армия подошла к Курску, где находились немецкие укрепления, раньше, чем рассчитывали немцы. Дма они сожгли, но на во за е они оставили девятнадцать паровозов и около тысячи вагонов с дожом. Они подвсали к месту авиабомбы, а взорвать мост не успели.

(Окончание м. на 4 стр.)

„Курская Правда“ 3 стр.

*) Окончание. Начало см. в „Курской Правде“ от 5 марта.